

Едва рассвет, розовый как румяные щёки прелестной девицы, окрасил небосвод, в дверь императорских покоев торопливо постучали. Звук был тихим и неуверенным — находившийся по ту сторону двери явно нервничал. Лун Юншэн, прозванный за период своего бесконечного правления «Тысячелетним Императором», не жаловал гостей в ранние утренние часы. Будучи единственным известным людям заклинателем, пережившим столь давнюю осаду горы Бейшан, с каждым новым прожитым годом он становился всё более привередлив и невыносим. Не заимев ни наследников, ни тех, кто решился бы оспорить его право занимать небесный престол, как старый дракон, он заперся в собственном дворце среди бесконечных богатств и всевозможных дольств, со временем став больше походить на затворника, чьё имя лишь шёпотом гласа народа летало по стране как ветер.

Услышав стук, Юншэн лениво открыл глаза — бледно-голубые словно талая вода по весне, в лучах рассветного солнца они отливали сиреневой россыпью изломанных капилляров. Опустив ноги на ещё хранивший ночную прохладу пол — молочно-белый нефрит сиял зеркальной поверхностью и рассвет играл на нём бликами драгоценных камней — он лениво потянулся и накинул на плечи тонкий халат из шёлка жёлтого и переливчатого как чешуя плавающих в дворцовом пруду золотых рыб. Волосы, белые как снег с далёких горных вершин, лавиной стекли по спине, тонкими прядями обрамив бледное, словно высеченное из нефрита, лицо.

Раздражённо распахнув дверь, Юншэн уронил надменный взгляд на распластавшегося в земном поклоне советника. Очередной мужчина средних лет, сколько сменилось их за века его правления, Юншен уже и не припомнит, даже если сильно постареется. Все их лица, благоговейные, испуганные давно слились в одно. Обладая страхом, почти болезненной паранойей, что кто-то захочет отобрать у него власть, Лун Юншен не держал в своём окружении совершенствующихся, а люди, какими бы надёжными и преданными они ни были, обладали весьма хорошим качеством — они умирали и не представляли существенной угрозы.

Советник, не поднимая головы, что-то промычал и Юншен, теряя терпение, закатил глаза.

— Ты, должно быть, или самоубийца, раз осмелился явиться ко мне в такой час, — заговорил он и голос его звучал хрустом истлевших костей, — или вести и впрямь не терпят отлагательств. Встань, и говори со мной, а не с полом.

Беспокоить Императора в любое время дня и ночи дозволялось только в одном случае. На счастье всех предыдущих советников, не происходившим в период их службы.

— Срочное послание от дозорных с севера, — дрожащими руками, заикаясь, мужчина протянул свиток, крепко перетянутый алым сургучём, — на нём печать тигра.

За долгие века своей жизни Лун Юншэн мастерски научился скрывать всякие эмоции. Так и сейчас, новость окатила его ушатом ледяной воды, но внешне он остался непоколебим, лишь дрогнувшие зрачки могли выдать его смятение. Протянув ладонь, он так крепко сжал свиток, что тот жалобно хрустнул. Советник испуганно вздрогнул — звук отчего-то напомнил ему хруст ломающихся костей.

— Сегодня более не смей меня тревожить. Никому не приближаться к моим покоям. Кто ослушается, казню на месте.

Печать тигра для всех при дворе давно потеряла смысл. Долгие годы после осады горы Бейшан, пока в памяти людей ещё не истлел образ обезумевшего в своих тёмных искусствах Ху Шеня, каждое послание Императору тщательно просматривалось в страхе эту печать пропустить. Суеверные люди верили, что могущественный тёмный заклинатель не мог просто так покинуть этот мир и искали любые признаки его существования, приписывая любые невзгоды его проискам. Со временем же, когда стало понятно, что Ху Шень окончательно повержен, и память и страх перед ним истёрлись — изображения тигра вновь стали просто картинками, а не зловещим знаком. Кто бы мог подумать, что спустя почти тысячу лет она вдруг напомнит о себе.

Захлопнув дверь прямо перед носом трясущегося советника, Юншэн, развевая летящими полами халата уселся на мягкие подушки у распахнутого окна. По мере чтения послания, брови его хмурились и напряжённый излом словно уродливая трещина на благородном нефрите залёг между ними.

Не могло быть простым совпадением, что странный заклинатель без рода и племени неожиданно объявился на севере, когда до исполнения пророчества осталось всего ничего. Ху Шень точно был с этим связан. Юншэн мог дать руку на отсечение.

— Столько лет ни слуха, ни духа, — со злостью выплюнул он, закусив до крови нижнюю губу и скомкав злостсчастный свиток, раскрошил его в пыль, — нужно было убить и тебя, когда была возможность.

Барьер вокруг горы Бейшан, возведённый лично Императором, выполнял свои функции на совесть. В тот день Лун Юншэн почти до последней капли потратил свои духовные силы, но он бы сделал это ещё сотню раз. Барьер ограждал его от единственного человека, способного дать ему отпор, да даже убить, стереть с лица земли — нет опаснее врага для Лун Юншена, чем когда-то названный брат, запертый наедине с горем своей потери и ненавистью. Мог ли барьер ослабнуть за века своего существования? Юншэн замер. Прикрыв глаза, он прислушался к себе — нить внутренней силы, что тянулась далеко на север, была всё так же прочна, натянута как упругая тетива. Барьер был в полном порядке и никто не смог бы преодолеть его. Кроме самого Императора.

Глаза Лун Юншэна распахнулись. Осознание придавило его стремительным горным обвалом, вырывая из груди сдавленный, рваный выдох.

— Невозможно...

Тысячелетний Император не брал на службу совершенствующихся. Но так было не всегда. Когда-то давно, когда Лун Юншэн только вступил на трон, главным императорским лекарем служил заклинатель. Его четвёртый названный брат — Ан Гуанмин[1]. Будучи человеком до зубовного скрежета миролюбивым, бескорыстным и невластолюбивым, он оказал Юншэну

неоценимую поддержку во времена его становления первым и единственным правителем огромной, разрозненной страны. Долгие годы он служил Императору верой и правдой, пока в свете печального стечения обстоятельств по приказу самого Лун Юншэна не оказался вынужден убить свою ученицу и воспитанницу. Не совладав с угрызениями совести, Ан Гуанмин принял смерть от собственного меча и был похоронен с почестями в вычурной императорской усыпальнице, где благовония в его честь тлеют и по сей день.

Юншэн потёр виски. Голова начинала раскалываться.

— Ан Гуанмин, Ан Гуанмин, — задумчиво пробормотал он, бросив взгляд на поросшие зеленью остроконечные горы, — какие тайны ты унёс с собой в могилу?

Почти тысячу лет Лун Юншэн не пользовался талисманами перемещения. Столько же не был на севере. Кто бы мог подумать, что спустя столько лет ему вновь придётся это сделать.

***

На памяти Юншэна север был убогим, мрачным местом — серое небо, затянутое плотными облаками; земля, промёрзшая и грубая, как и люди, её населявшие — таким и остался.

Оказавшись перед барьером, он снял с головы широкий капюшон неприметного чёрного плаща и вгляделся в играющую тенями даль бамбуковой рощи, такую спокойную и безмятежную, будто и не она вовсе являлась границей, отделяющей самую тьму от остального мира. Приложив ладонь к гладкому, прохладному желтовато-зелёному стволу, Юншэн ощутил вибрацию — мягкую, почти трепетную, словно изголодавшийся по ласке своего хозяина пёс встречал его после долгой разлуки. Ухмыльнувшись, Юншэн ответил ему всплеском внутренней энергии — гудящая волна тяжёлым эхом пронеслась по деревьям, земля задрожала, взвыли потревоженные духи.

Оставалось только ждать.

Когда тёмная энергия вскричала агонией сотен тысяч голосов, Веньян, находившийся в старом, ветхом домишке согнулся пополам, зажав уши. Невиданный доселе всплеск на мгновение лишил его зрения, выбил почву из-под ног. Голова кружилась так сильно, что потолок поменялся местами с полом. Не смотря на это, спотыкаясь о собственные ноги, он выбежал на крыльцо.

— Мастер! Что произошло?!

Ху Шень, в отличие от Веньяна, крепко стоял на ногах, сжимая до побелевших костяшек рукоять покоящегося на поясе меча и смотря в даль, в сторону барьера, так злобно, что даже белки глаз налились кровью. Тьма, что обитала здесь, сотни лет лизала ему пятки как господину. Что ему это жалкое представление?

— Это вызов.

Глядя только вперёд, Ху Шень сделал шаг. Как хищник, долго выслеживавший добычу, он не спешил срываться с места.

— Я тоже пойду! — Веньян, уняв головокружение и нахлынувшую тошноту, решительно сжал руки в кулаки.

Ху Шень, смерив его полным тёмной глубинной ярости взглядом, выставил вперёд горящий серебряным блеском меч. Тонем, не терпящим возражений, он пригвоздил Веньяна к земле:

— Ты останешься.

Веньян опешил. Впервые его мастер пришёл в такое состояние, чтобы грозить человеку, которому заменил и отца и мать. Веньян не был дураком. Не оставалось ничего, кроме как, примирительно поклонившись, подчиниться.

Лун Юншэн остался таким же, каким Ху Шень его помнил. Худой и высокий как стебель бамбука, он пренебрежительно смотрел на всё вокруг своими мерзкими, почти прозрачными рыбьими глазами. Как же Ху Шень их ненавидел, как хотел вырвать их из глазниц голыми руками, раздавить липкими от горячей крови пальцами, превращая в ничтожное месиво.

Юншен стоял почти вплотную к барьеру и ухмылялся — смелый перед хищником на цепи.

— Ну здравствуй, названный брат. Как живётся тебе в твоих просторных угодьях?

Ху Шень взревел. Вскинув меч, он бросился на Юншэна. В этом не было смысла — барьер с гулким эхом отшвырнул его обратно. Юншэну же, однако, потребовалось всё его самообладание, чтобы инстинктивно не отступить назад.

— Говорят, ты нашёл друга? — Голос Императора лился из уст сладкой патокой. Театральная доброжелательность всегда выводила Ху Шеня из себя. — Не расскажешь своему Императору, кто же он?

Убрав меч в ножны, Ху Шень глубоко вздохнул. Время поддаваться ярости ещё не пришло — он ждал почти тысячу лет, подождёт и ещё немного.

— Ты жалкий предатель и трус, — растягивая слова, Ху Шень подошёл обратно к барьеру так близко, как тот позволял, — но точно не дурак. Заходи. Познакомься, наконец, с собственным сыном. С сыном, которого приказал убить ещё в утробе матери.

Юншэн покачал головой, раздражённо цокнув языком.

— Ан Гуанмин всегда был бесхребетным. Не стоило поручать ему столь деликатное дело.

— Ан Гуанмин исправил ошибку, которую совершил, поддержав тебя в восхождении.

Юншен окинул Ху Шеня взглядом. Медленно, с головы до ног. Привычные серые одежды, пошитые весьма безыскусно, явно были новыми.

— Для зверя, сидящего взаперти, ты хорошо осведомлён.

Ху Шень язвительно ухмыльнулся.

— И тебе бы не помешало. Скажи, какой страной ты правишь, Тысячелетний Император? Запад лишь номинально твоя земля. Север гниёт и разлагается как затхлый труп. Восток погряз в пороках и вседозволенности. Лишь Юг процветает, и то не благодаря тебе, а усилиями потомков Фэн Хуана.

Лун Юншэн рассмеялся. Раскатисто, запрокинув голову к небу. И смех его прокатился по выжженным землям эхом ледяного дождя. Утерев выступившие в уголках глаз слёзы, он посмотрел на Ху Шеня почти снисходительно.

— Потомков Фэн Хуана? Неужто ты о той семейке, что сейчас там правит? Блистательная ложь, в которую они сами так опрометчиво уверовали. — Сложив руки за спиной, Юншэну пришлось немного наклониться, чтобы заглянуть прямо в глаза Ху Шеню. — Им бы не помешало взять пару уроков истории. Кому как не тебе знать, что у Фэн Хуана не могло быть прямых потомков. Об остальных я хорошо позаботился.

Уверенно встретив взгляд столь ненавистных глаз, Ху Шень растянул губы в хищном оскале.

— До сего дня ты даже не знал, что твой единственный сын жив. Уверен, что нигде не просчитался?

Замешательство, промелькнувшее на лице Юншэна, бальзамом разлилось в душе Ху Шеня.

— Совсем скоро, Юншэн, тебе не помогут ни армии самых искусных воинов, ни неприступные стены нефритового дворца...

Ху Шень занёс руку, сжатую в кулак над барьером. Ударив по нему, сжав зубы от боли, он говорил, переходя на шёпот.

...совсем скоро из искры разгорится пламя и ты не сможешь его остановить...

Ветер, потревоживший листву, вторил его словам.

...и тогда...

...я приду за тобой.

~конец первого тома~

Комментарии и примечания:

[1] Ан Гуанмин — «мирный наблюдатель за людьми (тот, кто заботится о людях)» — четвёртый великий заклинатель, участвовавший в осаде горы Бейшан. Покровитель Запада.

п.с. как-то раз я говорила, что наибольшим модификациям всегда подвергаются главы с Веньяном. господибоже, я оттягивала момент раскрытия его личности как могла □ со второй главы его появления к следующей, пока наконец не доползла до момента, когда тянуть уже некуда □ наконец-то теперь я могу сказать его полноценное имя — Лун Веньян — «дракон, очищенный и благородный»

п.п.с. да, глава совсем короткая. но так и задумывалось □

<http://bllate.org/book/14934/1323656>